

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

В НЕГОДЯЯ
СТРЕЛЯТЬ ПРИЯТНО

Антикор

Кирилл Казанцев

В негодяя стрелять приятно

«ЭКСМО»

2011

Казанцев К.

В негодя стрелять приятно / К. Казанцев — «Эксмо»,
2011 — (Антикор)

В этом неблагополучном районе государственные органы давно срослись с местными криминальными структурами. Жить здесь простым людям стало просто невыносимо. Если какой-то смельчак пытался вывести на чистую воду «оборотня в погонах», то его безжалостно уничтожали «братки». Мафиозная система безотказно работала до тех пор, пока ею не заинтересовался «Антикор» – тайная организация по борьбе с коррупцией. Под видом сбежавшего из мест заключения уголовного авторитета Сивого в банду «оборотней» внедряется лучший боевик «Антикора» Андрей Ларин. Риск – колоссальный. В любое мгновение Ларина могут раскусить, и тогда помощи ждать просто неоткуда: в два счета убьют, закопают – и поминай как звали. Но Ларин, невзирая на смертельную опасность, решает сыграть ва-банк...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кирилл Казанцев

В негодя стрелять приятно

Глава 1

Серый милицейский «жигуль» вынырнул из темного переулочка и затормозил в нескольких шагах от эффектной блондинки, стоявшей на тротуаре. Стекла в машине были опущены. Красный отблеск светофора давал возможность хорошо различить лица сидевших в салоне двух сотрудников правоохранительных органов. Девушка нервно осмотрелась по сторонам, шагнула к машине и склонилась к окну. Водитель, угрюмый сержант, с бесстыжим любопытством оценил блондинку.

– Это вы только что звонили в дежурную часть? – поинтересовался он.

– Да, я. – Девушка сжимала в руке мобильник. – Меня преследует какой-то мужчина.

Напарник водителя, одутловатый прапорщик, рано налитый жирком, лениво уточнил:

– Кто это вас преследует?

– Не знаю, кто он, но этот тип увязался за мной прямо от моей работы. – Блондинка нервно поправила сумочку.

– А где вы работаете? – вежливо поинтересовался водитель.

– В краевой прокуратуре.

Милиционеры переглянулись. Отказать в помощи работнице прокуратуры они никак не могли.

– Следаком, что ли?

– Сисадмином, – уточнила девушка и тут же пояснила: – Системным администратором сайта.

– А-а-а... понятно, – протянул сержант, хотя, судя по его выражению лица, было видно – он вряд ли знал, кто такой «системный администратор сайта».

– Это типа хакера? – уточнил более продвинутый прапорщик.

– Скорее наоборот, – поправила девушка чуть смущенно.

– И где же этот мужик, который вас преследует? – Сержант продолжал весьма откровенно рассматривать собеседницу.

Улица выглядела на удивление тихой: ровные светлячки фонарей, редкие освещенные окна, сонный шелест тополиной листвы... В двух кварталах уютно светилась неоновая вывеска «Кафе «Весна». Ничто не внушало тревоги, однако девушка по-прежнему боязливо ежилась.

– На ваши документы можно взглянуть? – поинтересовался сержант.

Девушка открыла сумочку, протянула служебное удостоверение.

– Вот.

– Так где этот мужик? – повторил прапорщик.

– Наверное, спрятался во дворах, заметив вашу машину, – ответила девушка неуверенно. – Он следовал за мной от самого здания прокуратуры. Я в магазин заскочила – он сразу на другую сторону перешел и за дерево спрятался. Я во двор – он за угол юркнул и стоял, пока я не вышла.

– Как он хоть выглядел? – Сержант внимательно просмотрел документы и вернул их владелице.

– Рост средний, телосложение плотное. Одет в синие джинсы, светло-зеленую куртку с замком-молнией желтого металла, длинный клетчатый шарф, – весьма грамотно описала приметы мужчины девушка.

– У нас тут полгорода в джинсах и куртках, – зевнул сержант. – Так что – всех задерживать?

– Наверное, вам просто померещилось, – хмыкнул прапорщик. – Переутомились на работе. Идите домой, отоспитесь...

Милицейский «жигуль», газанув едким выхлопом, неторопливо поехал по улице, унося в ночь моркового цвета огоньки габаритов.

Девушка напряженно осмотрелась вокруг. Ничего подозрительного вроде не наблюдалось. Несколько успокоившись, она зацокала каблуками по тротуару. До ее дома оставалось не более полукилометра. Однако теперь, брошенная на произвол судьбы, она была готова шархаться даже от собственной тени.

Блеклые фонари ровно подсвечивали выщербленный тротуар, темные клумбы, влажную металлочерепицу крыш и припаркованные у обочины машины. Во дворе пронзительно взвизгнула автомобильная сирена, и этот звук заставил блондинку вздрогнуть. На ветке, над самой головой, пронзительно вскрикнула какая-то птица, зашуршала листва, раздался ритмичный посвист крыльев.

Теперь девушка шла, поминутно оглядываясь, словно ожидала внезапного удара в спину. Впереди прорисовывался темный сквер, в своей угрожающей черноте напоминающий заброшенное кладбище. В какой-то момент ей показалось, что в сквере мелькнули зеленая куртка и клетчатый шарф преследователя, и она ускорила шаг.

Неоновая реклама «Кафе «Весна» горела прямо над витриной, подкрашенной тусклым светом. Поравнявшись с кафе, блондинка под стук собственного сердца остановилась и, подумав, решительно толкнула стеклянную дверь.

В полутемном зале было малоллюдно: влюбленная пара, небольшая компания молодежи... Приветливо улыбался молоденький бармен за стойкой. Ненавязчиво звучала музыка, едва слышно журчал маленький фонтанчик в искусственном гроте в центре зала, и приглушенный свет создавал ощущение покоя и защищенности.

– Чашку горячего чая без сахара, – попросила посетительница, нервно озираясь.

– Какого именно? Зеленого, черного...

– Какого угодно, на ваш вкус.

Усевшись за стойку, девушка тут же расплатилась, пригубила напиток, прикидывая, что делать дальше. Звонить сослуживцам по краевой прокуратуре и просить их помочь ей не хотелось – она не так давно поступила на службу, друзей ни на работе, ни в этом чужом для нее городе у нее не было. Осторожно обернувшись, она скосила взгляд на улицу сквозь стекло...

И вздрогнула.

Неизвестный в зеленой куртке и клетчатом шарфе стоял у входа, нахально рассматривая зал сквозь витрину. На этот раз преследователь вел себя иначе, чем по дороге к кафе: зафиксировав взгляд на девушке, он демонстративно встал у двери.

О том, чтобы бежать из кафе, не могло быть и речи. На улице не виднелось ни единого прохожего, которого можно было бы попросить о помощи. По асфальту пробренчал запоздалый троллейбус. На противоположной стороне улицы то и дело загадочно и непристойно вспыхивала неоновая вывеска – «...херская». Неизвестный в зеленой куртке по-прежнему маячил у входа, засунув руки в карманы. Правда, оставалось неясным, почему он караулил жертву столь открыто.

– Извините. – Теперь голос девушки зазвучал на удивление ровно. – У вас тут запасной выход есть?

– Конечно, – кивнул бармен. – У вас какие-то проблемы?

Блондинка глазами указала на преследователя, маячившего за стеклом.

– Понимаете, мой «бывший» меня достал, везде за мной ходит, а я его видеть больше не хочу. Помогите, пожалуйста, очень прошу! – с этими словами она положила на стойку крупную купюру.

Бармен понимающе заулыбался.

– Вот оно что... Видите служебный вход за портьерой? Налево туалет, направо кухня и продуктовый склад. Пройдете по длинному коридору, в самом конце дверь. Выйдете наружу, а там через новостройку как раз на проспект и попадете. А вашего бывшего ухажера я попытаюсь задержать, если он за вами пойдет...

Не допив чай, девушка поднялась из-за стойки и исчезла за дверью. Спустя несколько минут она уже выходила из двери служебного входа, торопливо застегивая на ходу сумочку.

Первое, что она увидела, – тот самый потертый милицкий «жигуль», с экипажем которого она недавно беседовала. Угреватый сержант по-прежнему сидел за рулем, а одутловатый прапорщик стоял рядом с машиной, отрывисто переговариваясь по рации. Заметив блондинку, он отложил рацию. На его широком лице неожиданно появилось доброжелательное и даже сочувственное выражение.

– Только что наше начальство распорядилось вам помочь, – пояснил он с кривоватой улыбкой. – Тем более что вы – почти коллега, краевая прокуратура... Приказано посадить вас в машину и доставить до самого подъезда.

Девушка инстинктивно шагнула вперед, но тут же остановилась. Откуда милиционеры узнали, что она будет выходить из кафе через черный вход? Почему они сразу не прошли в зал с улицы? Зачем надо было петлять по дворам, чтобы припарковать милицйскую машину именно тут? А главное – почему даже не попытались задержать преследователя?

Испуганно отступив, блондинка прислонилась спиной к холодной оцинкованной двери. Прапорщик прищурился – теперь уже недобро. И решительно шагнул навстречу.

– В машину сами сядете или помочь? – поинтересовался он со скрытой угрозой в голосе. – Я бы все-таки посоветовал самостоятельно... Целее будете.

Мент, хищно шурясь, шел прямо на девушку. Автомат на его плече поблескивал в свете фонаря. Угреватый сержант, выйдя из-за руля, демонстративно встал слева-сбоку, блокируя путь в соседний жилой подъезд.

Сзади, за оцинкованной дверью, уже слышались торопливые шаги – видимо, бармену так и не удалось сдержать напора преследователя в зеленой куртке. Казалось, убежать было некуда – западня с треском захлопнулась...

И тут девушка с неожиданной прытью выхватила из сумочки баллончик с горчичным газом и брызнула в лицо прапорщика. Тот прикрыл физиономию ладонями и болезненно закашлялся. Резкий удар ноги в босоножке в промежность сержанта заставил того согнуться и раскрыть рот. А блондинка, быстренько скинув босоножки с острыми каблуками, вскочила на капот милицкого автомобиля, затем на его крышу и с необычайной ловкостью перепрыгнула на металлический гараж, а оттуда – на косую крышу сарая. Затрещал шифер, по стене дома метнулась ломкая тень...

Первым пришел в себя прапорщик. Прикрывая лицо рукой, он крикнул, задыхаясь от болезненного кашля:

– Держи, уйдет!.. Нам же за нее... головы оторвут!

Сержант, немного придя в себя, попытался было повторить трюк блондинки, однако рифленая подошва обуви соскользнула с капота, и милиционер свалился перед бампером «жигуля», матерясь и ойкая.

В это время оцинкованная дверь черного входа с треском распахнулась, и во двор вылетел невысокий плотный мужчина в зеленой болоньевой куртке, перевязанной клетчатым шарфом. Быстро оценив обстановку, он бросился за девушкой. Блондинка, пробалансировав по

наклонной крыше сарая, благополучно прыгнула на другой стороне. Зашуршала трава, хрустнуло стекло.

– Быстро, уроды, гараж обходите! – крикнул ментам обладатель зеленой куртки, а сам подбежал к сараю.

Он в мгновение ока вскарабкался на его крышу – шифер треснул, завибрировал под тяжестью тела. Спустя несколько секунд преследователь пружинисто прыгнул наземь с противоположной стороны сарая и помчался за девушкой.

Полная луна освещала перекопанный пустырь со штабелями кирпичей, груды нестроганных досок, торчащую арматуру и длинный бетонный забор, конец которого терялся в темноте. Впереди маячила темная недостроенная высотка. Блондинка, хоть и бежала босиком, уходила от мужчины в зеленой куртке с удивительной легкостью. До высотки оставалось не более двадцати метров, когда с противоположной стороны пустыря пронзительно завывла сирена, и у единственного подъезда остановились серые милицейские «Жигули». Из машины выскочил прапорщик, он судорожно вскинул автомат и диким голосом крикнул:

– Мордой наземь, сука! Кому сказано!

Преследуемая, однако, не растерялась. Она мгновенно выхватила из сумочки некий продолговатый предмет и решительно вознесла его над головой. В лунном свете угрожающе блеснул металл.

– Граната, – с агрессивным придыханием крикнула она и, недолго думая, бросила продолговатый предмет прямо в прапорщика.

Тот панически свалился наземь, прикрывая коротко стриженный затылок ладонями. Все произошло так быстро, что сидевший за рулем сержант даже не успел отреагировать... А блондинка, ловко перескочив через лежащего мента, юркнула в черный проем подъезда.

Мужчина в зеленой куртке добежал до ступенек, пригнулся, поднял с земли то, чем девушка запустила в прапорщика. Это был газовый баллончик – тот самый...

– Ну, дебилы... – выдохнул преследователь и помчался следом за девушкой.

Из глубины здания донеслись гулкие торопливые шаги, и спустя несколько минут вечернюю тишину разорвал пронзительный женский крик...

* * *

Блондинка пришла в себя не скоро. Она лежала на холодном цементном полу, в крошечной битого кирпича. Острые осколки безжалостно впивались в спину, в икры, в затылок... Во рту ощущался мерзкий солоноватый привкус крови. Над головой серел зигзаг лестницы без поручней. Видимо, в темноте девушка оступилась и свалилась с двухметровой высоты на бетон...

Вытерев с разбитого лица кровь, она попробовала подняться, но тут же почувствовала, как сильные руки подняли ее за плечи и усадили в угол.

– Ну что – добегалась? – Мужчина в зеленой куртке тщательно потрошил ее сумочку.

– Я – Полина Гольцева, сотрудница краевой прокуратуры. – Блондинка попыталась придать голосу солидные интонации.

– Знаю уже, какая ты сотрудница... Шпионка ты, а не сотрудница. – Допотрошив сумочку, мужчина раздраженно отбросил ее в сторону. – Так. Где то, что ты из прокуратуры унесла?

Девушка наконец разлепила набухшие кровью веки и внимательно взглянула на собеседника. В густых фиолетовых сумерках он казался неестественно огромным. Позади, у лестничного пролета, улыбался одутловатый прапорщик – тот самый.

– Вы об этом пожалеете, – пообещала Гольцева без особой уверенности.

Мужчина в зеленой куртке присел на корточки, двумя пальцами взял девушку за подбородок.

– Значит, так, Полина. – Теперь мужчина говорил отрывисто. – Нам про тебя все известно. Во-первых, мы уже знаем, чем ты на самом деле занималась в краевой прокуратуре. Во-вторых, уже догадываемся, какие именно материалы и видеозаписи оттуда унесла. Ведь это ты в кабинете следователя установила? – Говоривший извлек из внутреннего кармана куртки микроскопическую видеокамеру с обрывками разноцветных проводков. – В-третьих, мы уже выяснили, какими именно уголовными делами ты конкретно интересовалась. Всем, что связано с Юрой Жадобиным... Правильно? Но нам пока неизвестно, кто ты на самом деле и на кого работаешь... А также куда ты успела спрятать видеозаписи, материалы прослушки и все остальные материалы. Или ты рассказываешь об этом сама, или тебе будет очень плохо и больно. Минуту на размышление не даю. Ну?

Вырвав подбородок из рук говорившего, девушка смачно плюнула ему в лицо. Мужчина инстинктивно отпрянул, медленно вытер лицо. Глаза его зажглись лютот злобой...

– Ну, сучка... Пожалеешь. Алло, прапорщик. – С этими словами он кивнул милиционерскому прапорщику. – Тебе, кажется, эта телка сразу понравилась? Так давай, покажи, какой ты мужик...

Мент, похотливо улыбнувшись, подошел к девушке и принялся демонстративно расстегивать гульфик форменных брюк. Девушка вскрикнула и инстинктивно вжалась спиной в бетонную стену...

* * *

– Вы что, по-хорошему не могли с ней договориться? – Генерал милиции Кулешов отложил фотографии судебно-медицинской экспертизы и судорожно промокнул салфеткой потный лоб. – Зачем нам очередной жмур? Да еще и изнасилование перед убийством... И так вон по всем московским телеканалам склоняют: мол, Южный федеральный округ – сплошь криминальная зона, среди бела дня на улицах из автоматов палят, дальнобойщиков на больших дорогах грабят, бандиты с ментами окончательно спелись... А наш край – так вообще Чикаго тридцатых годов. Мне не сегодня-завтра из московского главка позвонят и объяснений по поводу этой девки потребуют – что тогда? Почему не могли по-другому проблемку решить? Да и ты, Вова, совсем как пацан себя ведешь... Куртку хоть застирай! Или выкинь...

Стоя у огромного дубового стола, майор Владимир Кожевников внимательно слушал начальника краевой милиции. Требование «застирать куртку» заставило его тщательно осмотреть свою одежду. И действительно, на зеленой болоньевой ткани темнело небольшое бурое пятно засохшей крови.

– Спасибо за напоминание. – Кожевников послынул палец и принялся оттирать пятно. – А по-другому, Анатолий Нилович, никак нельзя было.

– Тогда излагай, – кивнул Кулешов, несколько успокоившись. – Присаживайся и рассказывай: так, мол, и так, товарищ генерал, преследовали мы эту Гольцеву, догнали, ничего у нее не нашли и потому решили для собственного удовольствия трахнуть, а потом из окна выбросить. Правильно я тебя понял?

Яркое солнце на несколько секунд промелькнуло в щели между тяжелыми портьерами начальственного кабинета и, осветив вспотевшее лицо Кулешова тусклым бутылочным бликом, спряталось за непроницаемой тканью.

Кожевников выпрямил спину.

– Не совсем, Анатолий Нилович. Если можно, я буду говорить по порядку.

– Именно по порядку и нужно, – подтвердил генерал. – Слушаю.

– Гольцева эта в краевой прокуратуре вольнонаемная. Работает уже полтора года. Занимается системным администрированием их сайта, а также нашего и еще разных, из районных прокуратур. По службе имеет допуск к самой конфиденциальной информации. Результаты ее

спецпроверки были признаны удовлетворительными. К тому же ходатайствовал за нее один фраер из Генпрокуратуры, не принять было нельзя. Уж не знаю, кем московскому фраеру эта бикса приходится: любовницей, родственницей...

– Ты можешь хотя бы со мной человеческим языком изъясняться? – с неудовольствием перебил Кулешов. – Я ведь тебе не Юра Жадобин... С ним будешь по фене ботать...

– Извините. – На лице Кожевникова появилось виноватое выражение. – Забылся... Да, так по Гольцевой, значит. В прокуратуре – почти все наши люди, и с ними никогда никаких проблем не возникало. Вот они и заметили некоторые странности... м-м-м... технического свойства. Решили пробить, один следак мне позвонил. Я – к нему, проверил спецаппаратурой; оказалось, и его кабинет, и соседние наспигованы подслушивающими и подсматривающими устройствами. Просчитали – кроме этой Гольцевой, поставить это оборудование и некому. Решили аккуратненько отследить – оказалось, она. А сука эта, видимо, профессионалкой была: сразу слежку почуяла... Сняла со своего компьютера жесткий диск и решила с ним удрать. А чтобы все, типа, по закону было, по мобиле позвонила в дежурную часть: мол, если что, мой вызов на пульте по-любому будет зафиксирован. Ну, отказывать бабе из краевой прокуратуры как-то неудобно, вот они и свистнули ближайшему патрульному экипажу ППС, который поближе к ней был – мол, разберитесь. Дебилы из ППС подъехали, поговорили и отстали. А я ее по-прежнему вел. Но когда она меня расколола, смысла шифроваться не было, потому и вел ее демонстративно. Связался через наших с теми самыми пэпээсниками, им было сказано, что это опасная преступница. Бикса эта... то есть, извините, Полина Гольцева, попыталась бежать. Я встал у входа в кафе, чтобы не удрала, пэпээсников отправил к черному входу. Остальное вы, Анатолий Нилович, и сами знаете...

– Диск с информацией нашли? – сумрачно осведомился начальник краевой милиции.

– Нет.

– Куда же она его дела?

– Тут два варианта: или по дороге выбросила, или где-нибудь в кафе спрятала. Она когда с черного входа выбегала, сумочку на ходу застегивала, пэпээсники подтвердили. Значит, спрятала диск где-нибудь в кафе. Сейчас по этому делу плотно работают.

– А трахать ее зачем понадобилось? А, товарищ майор милиции?

Кожевников соорил виноватое выражение лица.

– А по-другому, товарищ генерал, никак было нельзя. Бабы – они ведь такие: больше всего боятся быть изнасилованными. Помню, когда я еще в «розыске» работал, только этим и ломали телок, которые в несознанку уходили. Мол, или подписывай, или сейчас тебя через весь наш отдел пропустим... Я ведь и этой Гольцевой по-хорошему предложил: колись, кто тебе всю информацию на нас заказал, и отдавай диск – тогда отпустим. Или будем трахать до полусмерти, пока не отдашь. Так ее этот дурак-прапорщик отымел, а она, дура, сразу в окно сиганула. С четвертого этажа на торчащую арматуру...

Генерал Кулешов с задумчивым видом молчал, переваривая услышанное. Информация о компьютерном жестком диске, куда сливалось абсолютно все, что фиксировали подслушивающие и подсматривающие устройства, сильно беспокоила его. Пока никто не мог сказать – где начало этой странной истории, кто заказал сбор компромата на силовиков края и во что все это может вылиться. Да и сотрудник краевой прокуратуры, пусть даже вольнонаемный, – это не какая-нибудь торговка с колхозного рынка. В любом случае положено провести служебное расследование...

– Ладно. – Анатолий Нилович с трудом подавил глубокий вздох. – Что ты обо всем этом думаешь?

– О чем?

– Ну... обо всех этих прослушках.

– Даже и не знаю, что сказать, товарищ генерал, – заметно помрачнел Кожевников. – Хотя есть у меня тут одно соображение...

– Излагай.

С видом заговорщика майор проговорил:

– Я как-то слышал, что в Москве вроде бы какая-то тайная организация появилась. Ну, типа как по борьбе с правоохранительными органами. Или с «оборотнями в погонах», как теперь принято выражаться. Принципы якобы у них какие-то: офицерское достоинство, честь флага и тому подобное. Это, конечно, нигде не афишируется, но в Москве и в Питере сейчас многие серьезные люди в большом напряжении.

Кулешов раздраженно отмахнулся:

– Да какая еще, на хрен, тайная организация? Ты что – недопил или переработал? В наше время людей интересуют только три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. А остальное – красивые фразы для торжественных речей с высоких трибун, в которые уже давно никто не верит.

Неожиданно в кожаной папке Кожевникова зазвонил телефон: зуммер наигрывал «Владимирский централ». Едва взглянув на дисплей, майор шепотом промолвил:

– Юра Жадобин... Можно ответить?

– Отвечай, – разрешил генерал.

Разговор вышел кратким: Кожевников отвечал исключительно односложными фразами – «да», «нет», «буду», «перетрем».

– Спасибо за приглашение, обязательно буду. Дома, за городом? Принято. Я на связи, – попрощался майор и, обращаясь к Кулешову, добавил: – Вам, Анатолий Нилович, от Юры привет... На день рождения к себе приглашает.

– Много работы, не смогу... Мы уже с ним об этом говорили. Потом с Юрой отдельно встретимся и отметим, – вздохнул Кулешов, и майору стало понятно, что генерал просто не хочет светиться в компании Жадобина. – Ладно, Володя. Теперь слушай вводную. Первое: диск этот, который Гольцева спрятала, необходимо срочно найти. Там ведь тако-о-е может быть... Ну, сам понимаешь. Всем нам не поздоровится. Пусть твои орлы прощупают тех людишек, которые в кафе были. Официантов, бармена, кухарок, поварих... Второе. Убийство сотрудницы краевой прокуратуры, пусть даже и вольнонаемной, должно быть раскрыто в самое ближайшее время. Дело-то резонансное, у руководства могут возникнуть неприятные вопросы.

– Банда? – осторожно прикинул Кожевников и тут же пояснил: – Организованная преступная группировка третировала честную и принципиальную сотрудницу прокуратуры Полину Гольцеву, требовала сливать конфиденциальную служебную информацию, та не согласилась, вот ее в отместку и порешили?

– Окстись! – окрысился генерал. – Какая еще в нашем крае банда? Мы ведь о ее закрытии еще два месяца назад отчитались. А кое-кто даже награды за ее ликвидацию получил... Ты что, Вова, сам не знаешь, как такие дела закрывают? По глазам вижу, что знаешь. Вот и займись. Третье. Надо обязательно пробить все связи погибшей: ну, распечатку звонков с ее мобильного за последние месяцы, подруги, мужчины, связи, социальные сети... родственники, одноклассники и так далее. Заодно и того московского фраера. По полной программе, но очень аккуратно – слышишь? По полной! Вполне возможно, что этот компромат ей заказал кто-нибудь из недругов Юры Жадобина. Ну, такие же бандиты, как и он сам. Так что работай...

– Слушаюсь, – серьезно проговорил Кожевников и поднялся. – Я могу идти?

– Иди, иди... – Анатолий Нилович потянулся к мобильнику.

Он набрал номер лишь после того, как за подчиненным закрылась дверь.

– Алло, Петушок? Чем занимаешься?

Пятнадцатилетний Петя Кулешов, генеральский сын, всю свою недолгую жизнь отзвался на странное и двусмысленное прозвище. Петушок уже не пишется. Петушок обозвал

бабушку старой сукой. Петушок крадет из карманов одноклассников мелочь. Петушку нашли репетитора. Петушка надо отправить на учебу в Англию.

Выслушав отчет сына о полученных в школе отметках и пропущенных уроках, Кулешов по-отечески пожурил его и даже в шутку пообещал отстегать ремнем по филейным частям. Положил трубку, откинулся на высокую спинку кресла. Долго и печально смотрел на российский триколор, стоящий в углу кабинета. И с неожиданной ненавистью процедил, явно передразнивая Кожевникова:

– Честь фла-а-ага... Офицерское досто-о-оинство... Какая еще, на хрен, тайная организация может быть в наше время?..

* * *

Дело об убийстве сотрудницы краевой прокуратуры Полины Евгеньевны Гольцевой было раскрыто за несколько дней. И убийство, и предшествующее ему изнасилование было повешено на пожилого зачуханного бомжа, ранее неоднократно судимого. Бомж этот обитал в заброшенном строительном вагончике неподалеку от стройки, в момент убийства его видели неподалеку, и это решило дело. Впрочем, сам бомж особо и не отрицал свою вину и почти сразу стал давать признательные показания: перспектива пожить десять лет в теплом помещении с гарантированной пайкой, казенными одеждой-обувью по сезону и в обществе друзей по несчастью показалась ему куда лучше голодного прозябания.

А вот поиски жесткого диска ни к чему не привели, хотя милиционеры и перевернули в кафе «Весна» все вверх дном. Они тщательно, сантиметр за сантиметром, исследовали коридор, кухню и продуктовый склад: выпотрошили холодильники, исследовали кастрюли и даже раскурочили сливной бачок унитаза. Бармена, который разговаривал с Гольцевой последним, на всякий случай сунули в ИВЗ. По мнению сотрудников правоохранительных органов, он вполне мог спрятать диск, вынесенный погибшей из краевой прокуратуры.

Сам же генерал Кулешов, наведя в Москве справки о «тайной организации честных офицеров, которые борются с коррупцией неконституционными методами», получил отрицательный ответ: мол, все это бредни, распускаемые теми, кому по долгу службы и вменено с этой самой коррупцией бороться. И, естественно, вздохнул с облегчением: ведь у Анатолия Ниловича были все основания бояться такой тайной организации – существуй она на самом деле...

Глава 2

– За помин ее души! – Немолодой мужчина с крупным мясистым лицом наполнил рюмку и пристально взглянул на окаймленную траурной рамкой фотографию молоденькой блондинки. – Давай, Андрей, помянем...

– Земля ей пухом, Павел Игнатьевич! – сумрачно отозвался жилистый сероглазый мужчина и, помолчав, выпил.

На столе горела свеча, и ее трепещущий оранжевый язычок отражался в стеклах книжного шкафа, в полировке мебели, в глянцевой фотографии Полины Гольцевой.

– Ты ведь, кажется, с ней работал?

– Полгода назад, в Питере, меня подстраховывала, – ответил Андрей. – Близко ее не знал, но мне показалось, что она очень доброжелательный человек и хороший профессионал.

– Да уж... – Павел Игнатьевич подумал и налил еще по одной. – Видимо, мы все-таки недооценили противника. Эти скоты оказались хитрей и изворотливей нас. Если формально – даже не подкопаешься.

– Я уже читал официальное заключение об ее убийстве. Шито белыми нитками – это я утверждаю со всей ответственностью, как бывший оперативник. – Андрей печально взглянул на портрет убитой. – Бомж-киллер – это дежурная отмазка для любого райотдела, когда реального преступника не могут взять. Неужели и в прокуратуре, и в милиции не нашлось ни единого человека, который бы заметил вопиющие несостыковки? О суде я уже не говорю...

– Понимаешь, Андрей... Мы все живем в сумасшедшем доме. И уже привыкли к этому. Сумасшедший дом – это когда офицеры наркоконтроля умирают от передозировки дурью в ведомственных саунах. Когда пьяные гаишники давят на служебных джипах детей. Когда страна продает за границу чудовищные объемы газа, а огромное количество деревьев в России даже не газифицировано. Но во всем этом есть своя логика. Ее надо понимать, учитывать, использовать, действовать в согласии с ней. Другой логики у нас просто нету... – заключил Павел Игнатьевич. – Ладно, давай выпьем. Ты со всеми документами ознакомился, что я тебе давал?

– Сегодня утром дочитал.

Свеча перед портретом догорала. Расплавленный воск закапал на полировку стола. Фитилек изогнулся и закоптил.

– Я сейчас. – Павел Игнатьевич бесшумно вышел из комнаты.

Андрей подошел к окну, отдернул тяжелую штору. Хмурое утро серело за стеклами. Клочковатый туман пластался на влажных булыжниках. На противоположной стороне улицы прорисовывались угловатые контуры джипа. Однако причин для беспокойства не было: Андрей Ларин прекрасно знал, что это – машина внешней охраны конспиративной квартиры. А таких квартир в российской столице у Дугина только в пределах Садового кольца было около десятка...

...Павел Игнатьевич Дугин возглавлял ни много ни мало самую тайную мощнейшую и отлично законспирированную структуру Российской Федерации. В отличие от большинства подобных организаций, эта структура не ставила целью свержение действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом преимущественно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры составили те честные офицеры-силовики, которые еще не забыли о старомодных понятиях: «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Однако одиночка, сколь благороден бы он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий

на шоссе взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную таксу. Коррупция в России – это стиль жизни.

Начиналось все с малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в Главке МВД открывали самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее надежных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще...

Заговор необязательно подразумевает одеяла на окнах, зашитую в подкладку шифровку, подписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же.

Очищаться от скверны законными методами оказалось нереально: та же «внутренняя безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и, самое главное, низменные, шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные, вплоть до физического уничтожения наиболее разложившихся коррупционеров. Точечные удары вызывали у разложенцев естественный страх; количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти смерти далеко не случайны. Слухи о некой тайной организации, этаком «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились и притом не только в Москве, но и в провинции. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим карающим фактором, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, знал только Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Ларину, бывшему наро-фоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему из нее не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль этакого «боевого копья». И, как догадывался Андрей, далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного и профессионального опыта Андрея было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях, а природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора. Несомненно, все эти качества Ларину предстояло продемонстрировать в самом ближайшем будущем. Он уже и не сомневался, что теперь Дугин наверняка направит его в Южный федеральный округ, притом расследование смерти Полины Гольцевой станет лишь частью будущего задания...

...Скрипнула дверь. Ларин обернулся.

– Вот, еще посмотришь. – Павел Игнатьевич положил на стол пухлую канцелярскую папку-скоросшиватель с торчащими листами. – Очень любопытно. Даже я, человек, которого очень тяжело чем-нибудь удивить, не сразу поверил в реальность подобного... Хотя, если вдуматься, все это в формате нашего привычного сумасшедшего дома.

– Новые материалы по Южному федеральному округу?

– Точней, по их краевой столице. Кстати, что ты скажешь о тех материалах, с которыми уже ознакомился? Любопытно бы узнать мнение профессионала.

Ларин хмыкнул:

– Впечатляет. Менты дают бандитам наводку на будущих жертв. Бандиты дербанят людей и откатывают половину ментам. Выгодный бизнес при полном соблюдении обоюдных коммерческих интересов. Плюс стрельба из автоматов в центре города, взрывы автомобилей, вооруженные налеты среди бела дня. Зато раз в полгода местное УВД отправляет в Москву отчет о полной ликвидации очередной бандитской группировки и получает правительственные награды. Такое впечатление, что лихие девяностые незаметно возвращаются.

– Они и не заканчивались, если разобраться, – справедливо вставил Дугин.

– Но ведь на Южном федеральном округе – огромное количество разнообразных контролеров из Москвы. Вертикаль государственной власти, – осторожно напомнил Андрей. – Уже не говоря о целой армии ментов, «фейсов», прокурорских работников...

– Если государство превращается в мафию, то все его подразделения, включая МВД, спецслужбы и прокуратуру – точно такие же подразделения мафии... – Павел Игнатьевич извлек из кармана пачку сигарет, но, вспомнив, что собеседник не переносит табачного дыма, тут же ее спрятал. – Я так думаю, Полина что-то очень серьезное нарыла в краевой прокуратуре. Иначе бы они ее не убили.

– То есть мне предстоит отправиться туда и отыскать винчестер с информацией?

– Не только. И генералом Кулешовым, и его лучшим дружкой бандитом Жадобиным надо заняться всерьез и по полной, – определил задачу Павел Игнатьевич. – А также и всеми остальными.

– Легендирование? – деликатно напомнил Андрей, опуская очевидные логические построения и подходя к предмету с противоположной стороны.

– Отправлять тебя туда под видом очередного московского контролера бесперспективно и даже глупо, – ответил Дугин. – Для начала тебе покажут центнер бумаг – мол, с оргпреступностью и коррупцией у нас все в порядке... В смысле, что борьба с этими явлениями на должной высоте. Потом напоят, накормят, нахарят, сунут в карман конверт и посадят на самолет. Так что реальной картины ты не узнаешь. Прикомандировывать под видом лихого московского опера, выполняющего специальное задание Главка, опасно. Вон, многоопытную Полину, у которой шесть подобных внедрений, они и то довольно быстро раскололи. Есть у меня один вариант твоего легендирования, но он очень рискованный. Тут надо хорошенько подумать. Ладно, завтра поедем с тобой в одно замечательное место, недалеко от Москвы. Ты во Владимире никогда не был?

– Хороший город. – Ларин наморщил лоб. – Древние храмы, Золотые ворота, отличный исторический музей...

– А еще – знаменитая тюрьма.

* * *

Владимирский централ, канонизированный блатной лирикой, находится в тихом городском районе, между роддомом и кладбищем, что придает тюрьме своеобразную метафоричность: мол, по пути от места рождения до места упокоения каждый должен побывать и в местах лишения свободы.

При этом легендарная «крытка» внешне не выглядит тем страшным и беспредельным местом, какой представляют ее поклонники «русского шансона». Административный корпус, трехэтажное здание грязно-абрикосового цвета, напоминает скорее провинциальную контору БТИ. С самого раннего утра по двору стелется аппетитный запах свежее испеченного хлеба: на первом этаже централа находится тюрьма для малолеток-легкосрочников, которые выпекают хлеб и для себя, и для прожженных рецидивистов, отдельно сидящих «на крытке», и даже для свободной продажи в городе.

Впрочем, картинка эта обманчива: Владимирский централ всегда славился жестким режимом, вымуштрованными контролерами и суровой оперчастью. Именно потому там сидели – и сидят – и знаменитые уголовные авторитеты, и влиятельнейшие воры в законе, и серийные убийцы, а в советские времена – еще и известные государственные преступники: от Василия Сталина до американского летчика-шпиона Пауэрса...

...Подъехав к административному корпусу, скромная малолитражка с тонированными стеклами остановилась. Из здания тут же выскочил дежурный офицер и хотел было отогнать машину, но, узнав Дугина, тут же изменился в лице и заулыбался – мол, я уже в курсе, сейчас все устрою.

– Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно, днем и ночью часовые стерегут мое окно... – Ларин внимательно рассматривал тюремный фасад и высокую стену, белевшую за административным корпусом.

– Ты не вейся, черный ворон, над моею головой, – в тон ему отвечивал Павел Игнатьевич. – Споем, жиган, нам не гулять по бану. Дождик капал на рыло и на дуло нагана. Андрей, а ты вообще никогда не думал, что едва ли не вся русская литература построена на конфликте тюрьмы и воли? Большинство наших литературных героев – сплошь греховодники и душегубы: тати в беличьих тулупчиках, неврастеники-студенты с топорами, циничные профессора со скальпелями... Да тот же фольклор! Даже любимый с детства Иван-царевич – и тот был фартовым гоп-стопником. Вместе со своим кентухой Серым Волком наехал на тридешатое царство, где держал масть один борзый пахан с погонялом Кощей Бессмертный. Поставив пахана на понятия, пацаны отмели у него жар-птицу, которую этот отморозок по беспределу засадил за золотые «решки»...

– Вообще выражение «От тюрьмы да от сумы не зарекайся» могло появиться только у нас, – соглашаясь, кивнул Ларин. – А к какому борзому пахану мы приехали сюда в гости?

Дугин извлек из сумки ноутбук, поставил себе на колени, раскрыл, щелкнул кнопкой.

– Смотри. Сиваков Юрий Леонтьевич. Уголовная кличка Сивый. В своем роде замечательная личность, широко известная в некоторых узких кругах. Родился... учился... Так, это неинтересно. Три судимости. Первая – тысяча девятьсот девяностый, кража со взломом, вышел по амнистии. Вторая – тысяча девятьсот девяносто четвертый, организация преступного сообщества, разбой, вымогательства, покушение на убийство. Отсидел от звонка до звонка. Третья – две тысячи шестой. Организация преступного сообщества, вымогательства, заказные убийства, разбой, хищения в особо крупных размерах, похищение людей. Получил восемнадцать лет плюс за попытку побега из автозака – еще три года. Вот его фотографии... Что скажешь?

Андрей взглянул на монитор ноутбука. С экрана на него смотрел заматеревший на «хатах», пересылках и зонах уголовник. Напряженный взгляд, мелкие морщины вокруг глаз, бритая голова в бесформенных шрамах, несколько зоновских татуировок на груди и предплечье... И телосложением, и лицом, и даже прищуром глаз этот уголовник неуловимо напоминал самого Ларина, и тот сразу понял, куда клонит собеседник.

– Бывают же такие совпадения! – оценил Павел Игнатьевич. – Редко, конечно, один раз на сто тысяч... но бывают. Сам не поверил, пока этого татуированного субъекта собственными глазами не увидел. Догадываешься, о чем я? Грамотная корректировка лица, силикон и ботокс сделают тебя почти что его двойником. Ну и временные татуировки, само собой. Правда, это лишь уголовная форма, а вот над криминальным содержанием нам с тобой придется очень серьезно поработать.

– Ну, это уже какие-то «Джентльмены удачи», – напряженно улыбнулся Андрей. – Пасть порву, моргалы выколю. Редиска – нехороший человек. Петух гамбургский...

– Если мы все поступим умно и дальновидно, то через несколько месяцев сможем со спокойной совестью сказать и генералу Кулешову, и большей части милицейского и прокурор-

ского начальства: «А не кажется ли вам, что ваше место – возле параша?» – улыбнулся в ответ Дугин.

– То есть? – не понял Ларин.

– Все очень просто. Юрий Жадобин, один из теневых хозяев Южного федерального округа, – старый знакомый Сивого. В свое время Жадоба прошел нелегкий путь от рядового уличного гоп-стопника до очень серьезного криминального авторитета. В тысяча девятьсот девяносто третьем входил в «бригаду» Сивого рядовым «быком». Наезды на коммерсов, стрелки, терки, разборки... Ну, как обычно в те времена. Близко они, как ты понимаешь, не дружили – слишком разные калибры: Сиваков был лидером ОПГ, Жадобин – обычным исполнителем. Но при упоминании одной лишь фамилии своего бывшего босса Жадоба наверняка должен вздрагивать: у Сивого уже тогда была репутация жестокого беспределыщика, способного на все. Сиваков уже год сидит в одиночке, склонен к побегу, никто из татуированных завсегдатаев его давно в глаза не видел. Даже не знают, жив он или мертв. Никаких «маляв», никаких «коней», никаких мобильников – тут за этим очень строго следят. Вот я и подумал: а если бы Сивакова, например, за огромную взятку в Федеральной службе исполнения наказаний выпустили бы из этой «крытки»... почему бы ему не уехать к своему давешнему товарищу, чтобы поправить здоровье, выправить новые документы и на какое-то время залечь на дно? Правда, Жадобин его с девяносто четвертого года не видел... Но ведь и отказать по всем уголовным понятиям будет неудобно – братва не поймет.

Тем временем к машине подошел тюремный офицер – тот самый.

– Пропуск на вас уже оформлен, прошу, – сообщил он.

...Лязг замков, бесконечные тюремные «шлюзы», длинные ступенчатые коридоры, уходящие вверх, массивные решетки на окнах, камуфлированная форма тюремных контролеров. Тяжелый спертый воздух и смрад, какой бывает лишь в российских тюрьмах.

– Сиваков сейчас в своей одиночке, – произнес тюремный офицер. – Хотите на него взглянуть?

– Было бы неплохо, – промолвил Дугин.

Тюремщик подошел к решетчатому шлюзу, разделяющему коридор, извлек из нагрудного кармана черную коробочку рации. Ларин проводил его взглядом, склонился к уху Павла Игнатьевича.

– А как это вам удалось найти контакт с начальством этой тюрьмы? – не выдержав, спросил он.

– Как надо! – рассердился Павел Игнатьевич, и по его тону Андрей еще раз понял, насколько серьезную, влиятельную и мощную конспиративную организацию возглавляет его старший товарищ.

* * *

Утренний ветерок стрясал с парковых кустов капли росы. Едва заметно покачивали кронами старые липы, золотились высокие сосны. Кора на их желтоватых стволах шелушилась, распространяя едва различимый аромат смолы. Луч восходящего солнца, перескользя через облачный скос, окрасил край неба в цвета фруктового салата.

Жилистый мужчина, одетый в шорты, кроссовки и майку, трусцой бежал по желтым парковым аллеям. Лицо его, суровое и не улыбаемое, наводило на мысль о том, что он склонен к жестокости и обладает сильной волей. Фиолетовая татуировка на предплечье, изображающая тигровый оскал в переплетении колючей проволоки, свидетельствовала и о пройденных мужчиной тюремных университетах, и о высоком месте в криминальной иерархии.

Несомненно, утренняя пробежка по этому парку была для татуированного не впервой: обожав зеленый массив по периметру, он остановился, восстановил дыхание, сделал несколько приседаний и, приняв упор лежа, принялся отжиматься на кулаках.

Совсем рядом зашуршала трава, послышались шаги. Татуированный, продолжая пружинисто отжиматься, скосил глаза в сторону. Метрах в трех стояли трое молодых людей, по виду обычных гопников: развязные манеры, бритые затылки, тупые лица двоечников из плохой школы...

– Алло, мужик, закурить есть? – нарочито нагло спросил один – белокрысы верзилы в куртке из кожзаменителя.

– Не курю. – Татуированный спокойно продолжал отжиматься.

– А на пиво? – подал голос коротышка в потертых джинсах и стоптанных кедах.

– Что на пиво? – Мужчина поднялся, отряхнул шорты и с нехорошим прищуром взглянул на коротышку.

– На пиво нам децл отсыпь, а? – нахально потребовал третий – длинноволосый хмырь с брезентовой сумкой через плечо. – Тут пацаны с района на дембель вернулись, прикинь! Надо отметить.

– Сегодня среда, а я по средам не подаю, – отрезал любитель утренних пробежек.

Коротышка вопросительно взглянул на белокрысого верзилу:

– Слышь, Серый, мне кажется, что эта татуированная лошара явно нарывается на неприятности.

– Кто тут лошара? – недобро спросил мужчина.

– Да ты, козел, не понял, что это, типа, наш район? – Белокрысы верзила извлек из кармана куртки нож-«бабочку», эффектным движением раскрыл его, выставляя перед собой. – Бабло и мобилу по-хорошему сливай и сваливай на хрен, пока цел!

В парке рассвело окончательно. Солнечный лучик угрожающе прокатился по тонкому лезвию, и его отблеск на мгновение ослепил татуированного. Но вовсе не испугал...

– Убери перо, бычара, – угрожающе промолвил он.

Белокрысы занес руку для удара, но тут же упал на асфальт, повергнутый мощным ударом в переносицу. Нож с коротким звяканьем отлетел на асфальт, из носа белокрысого потекла тонкая струйка крови. Длинноволосый хмырь попробовал было вступить: подскочил к татуированному и попытался его ударить. Но сделать этого не смог: несостоявшаяся жертва мгновенно заломила ему руку за спину и приставила к горлу гопника нечто холодное и острое. Каким образом у татуированного оказалось опасное бритвенное лезвие, никто заметить не успел.

Мужчина, прижимая острие бритвы к горлу хмыря, процедил сквозь зубы:

– Что ты, параша, рыпаешься? Спокойней, спокойней... Только дернись, и будешь вдыхать воздух сантиметров на двадцать ниже. Конь ты педальный! Да таких «марамоек» на моей зоне петухи заставляли парашу жрать! Ты, сывка, – татуированный кивнул коротышке, – сейчас поднимаешь перо и выбрасываешь его далеко-далеко, во-он туда! Ну?

Белокрысы хмырь, которого еще минуту назад распирало от наглости, теперь униженно прохрипел:

– Пацаны, сделайте, как он просит! Он же меня сейчас в натуре зарежет...

Когда распоряжение было выполнено, татуированный мужчина оторвал лезвие бритвы от шеи жертвы и со всей силы дал ему пинка – тот со всего размаху опрокинулся на парковую дорожку.

– Впредь будешь помнить, что на блатных мазу тянуть накладно, и тебе не под силу, нифель вонючий... – Поигрывая бритвой, страшный мужик полоснул гопников таким пронзительным взглядом, что те тотчас же отвели глаза. – А теперь – вон отсюда, дешевки.

Молодые люди посчитали за лучшее ретироваться. А татуированный, спрятав опасную бритву в карман шортов, как ни в чем не бывало продолжил утреннюю пробежку....

Вот уже целый месяц Андрей Ларин жил во Владимире, постепенно вживаясь в образ уголовного авторитета Сивого. Павел Игнатьевич Дугин подошел к вопросу перевоплощения предельно вдумчиво. Досконально скопированные татуировки, грамотная коррекция лица придавали Ларину почти полное внешнее сходство со знатым уголовником. Андрей пересмотрел гигабайты видеозаписей блатного, скрытно сделанные и в его одиночке, и немногим раньше, в общей камере; тщательно копировал ритмику движений, манеру разговора, любимые словечки и речевые обороты, даже мельчайшие интонации. Каждый вечер с ним занимался специалист по судебной психологии – прорабатывал типовые поведенческие модели Сивакова. Что же касается биографии, связей, друзей, судимостей и даже финансов Сивого, то иногда Андрею казалось, что все эти моменты он знает куда лучше даже прожженного уркагана, по-прежнему сидящего в одиночной камере Владимирской «крытки». И уж наверняка не хуже, чем даже свою собственную биографию.

Ларин готовился к внедрению тщательно и грамотно. Ведь в случае провала его, вероятно, ждала судьба Полины Гольцевой...

Наконец, спустя немногим больше месяца, назначенный день настал. Просидев с Лариным полтора часа на конспиративной квартире, Павел Игнатьевич проэкзаменовал его и, вероятно, остался доволен. В своей новой ипостаси Андрей выглядел на редкость органично и убедительно. В его теперешних манерах не было ничего напускного: попади Ларин на серьезную «черную» зону – спустя несколько недель он наверняка сразу бы оказался в авторитете даже у выдавших виды зэков.

– Похож, похож, – не без уважения проговорил Дугин. – Некоторые несоответствия с оригиналом, конечно, присутствуют, но их вполне можно списать на время, проведенное Сивым за колючей проволокой. Думаю, многие законопослушные граждане ни за что не сели бы с тобой теперешним в один лифт. А не слишком законопослушные сто раз подумали бы, прежде чем к тебе обращаться с неуважением!

– Разогнать в парке микрорайонных жлобов – не такое уже и геройство, – мягко улыбнулся Андрей. – Ведь и Жадобин, и Кулешов наверняка в тысячу раз страшней уличной гопоты...

– По своей сути это – те же гопники, которые хотят казаться нормальными людьми.

– Читал, знаю... По сути, вся наша власть процентов на девяносто состоит из таких, как они.

– Ни секунды в этом не сомневался... Завтра отправляешься во Владимир. Дело в том, что именно завтра твой двойник совершит побег из централа. Учти, все будет реалистично и очень опасно.

– Слушаю вас, Павел Игнатьевич.

Глава 3

Сиваков лежал после отбоя на дощатой шконке в своей одиночной камере. Под потолком тускло горела лампочка, ее не выключали ни днем ни ночью. А потому ночное небо лишь угадывалось в узкой щели жестяного «намордника» на небольшом зарешеченном окне. Криминальный авторитет дремал. Его уже давно не тревожили, и он смирился с мыслью, что этот каменный мешок может оказаться для него пристанищем до последних дней его жизни.

Брякнула заслонка. На мгновение в дверном волчке блеснул свет, лившийся из коридора, а затем его закрыл глаз охранника. Загремела открываемая «кормушка».

– Подойти к двери!

Сивый неохотно повиновался.

– Руки!

Уголовный авторитет неторопливо повернулся спиной к двери и выставил в «кормушку» руки. На его запястьях защелкнулись наручники. Спрашивать о том, почему на ночь глядя понадобилось его куда-то вести, не было смысла. Конвоир и сам мог не знать, что именно произошло. Он лишь выполнял приказ начальства.

Сивый шел по тюремному коридору. Лязгали, открываясь и закрываясь, тюремные «шлюзы». Постоянно звучали команды: «стой», «лицом к стене», «пошел».

Вскоре Сивый оказался во внутреннем дворе. Под стеной корпуса виднелся автозак. Уголовник расправил плечи, глянул на звездное небо, а затем с вызовом посмотрел на молодого офицера, стоявшего у распахнутой дверцы кабины. Будь сейчас на месте Сивого Андрей Ларин, он бы сразу узнал в офицере того самого дежурного, который встретил и организовал ему вместе с Дугиным экскурсию по Владимирскому централу.

Конвоиры, двое молодых братьев-контрактников, не особо церемонясь, помогли Сивому оказаться в будке автозака, после чего захлопнули и закрыли дверцу.

– Ключ, – протянул руку офицер.

Автозак катил по улицам засыпающего города. Братья-конвоиры и без того были похожи друг на друга, а форма делала их вообще неотличимыми. Если верить бумагам, Сивакова понадобилось срочно этапировать в Москву по следующей причине: всплыли новые обстоятельства зависшего было уголовного дела о разбойном ограблении с убийством. Из свидетельских показаний следовало, что Сиваков тоже приложил к нему свою руку. Вот столичная прокуратура по запросу следователя и выдала разрешение на участие Сивакова в проводимом следственном эксперименте.

Город быстро остался позади. Дорога была почти пустынной. Лишь изредка за стеклами машины проплывали тусклые огоньки деревень. Впереди показался сельский магазин – одноэтажное строение, сложенное из силикатного кирпича. Братья-конвоиры оживились.

– Знаю-знаю, – проговорил офицер. – Мать ваша в этой деревне живет.

– Так точно, товарищ капитан. Вон в том доме. Еще не спит, телевизор смотрит.

За окном деревенского дома на тюлевых занавесках виднелись цветные сполохи.

– Давно не виделись? – как бы между прочим спросил капитан.

– На Восьмое марта последний раз в гости приезжали. Дырки в крыше сарая залатали. Старенькая она у нас.

– Значит, давно. – Капитан взглянул на часы. – А мы-то график опережаем. Если нигде не останавливаться, за полчаса до назначенного времени на станцию прибудем. Значит, так. У вас есть пятнадцать минут, чтобы сбегать к матери. – Капитан подрулил к магазину и остановил машину.

Братья-конвоиры переглянулись.

– Ну, чего ждете? Время-то пошло, – усмехнулся капитан, закуривая.

- А как же этот?
- Куда он из будки денется?
- Спасибо, товарищ капитан.

И оба конвоира побежали по улице.

Послышался звук заводимого двигателя. Из-за магазина выехала «Волга». Всего на какую-то секунду в салоне вспыхнул свет и тут же погас. Но капитан успел рассмотреть того, кто сидел за рулем. Он открыл будку автозак и негромко приказал:

- На выход!

Внутри горел свет. Сивый, шурясь в темноту улицы, двинулся к выходу. В руке капитана полыхнул молнией мощный электрошокер. Парализованный уголовник чуть не вывалился из автозак, но капитан успел подхватить тело. Ему на помощь уже спешили Дугин с Андреем Лариным.

Парализованного Сивакова забросили в багажник машины и захлопнули крышку. Ларин заложил руки за спину. Капитан тут же защелкнул на них наручники и вложил в пальцы Андрею маленький ключик, после чего, не удержавшись, произнес:

- Вот же, если б не знал, что тот урод в багажнике, сам бы обознался.

Дугин был не намерен выслушивать комплименты в адрес своих специалистов, превративших Ларина в Сивого.

- Поспеши, капитан, – только и сказал Павел Игнатьевич.

«Волга» развернулась и с погашенными фарами исчезла на ночной дороге. Капитан помог Андрею забраться в автозак, быстро закрыл дверцу и провернул ключ в замке.

Дисциплинированные конвоиры вернулись ровно через пятнадцать минут, как и обещали своему командиру.

- Вот, мама просила вам передать.

Капитан заглянул в пакет – там были термос и пирожки.

- Сами хоть перекусить успели?

- По дороге перекусим.

Через десять километров дорога стала спускаться вниз. Вскоре возник знак объезда. Мост впереди реконструировали, и поэтому свежесыпанная насыпь спускалась к узкому мосту на понтонах. В лунном свете серебром отливало широкое русло реки. Понтоны «вздыхали», покачивались под проезжавшей машиной. И тут на другой стороне моста вспыхнули фары, ослепив водителя.

Тяжелый трактор «К-700», набирая скорость, двинулся навстречу автозаку.

– Черт, куда прешь? – принялся сигналить водитель, но, поняв, что тракторист и не думает останавливаться, вдавил тормоз.

Протекторы заскользили по мокрой стали понтона. Передние колеса перевалили через отбойник. Включить заднюю скорость водитель не успел. Тяжелый «К-700» толкнул машину мощным бампером. Автозак наклонился и рухнул в воду, подняв фонтан брызг. А трактор, даже не притормозив, покати к берегу.

Первым возле медленно погружавшейся в холодную речную воду машины вынырнул капитан. Метрах в двадцати от него одна за другой над поверхностью показались головы конвоиров.

- Товарищ капитан, как вы?
- В порядке. К берегу быстрее давайте. Течение тут сильное.
- А как же вы?
- Не тонуть же ему с машиной.

Капитан, торопясь, стал оплывать погружающийся в воду автозак.

- Опасно же, товарищ капитан.
- К берегу. Это приказ. На нем наручники.

Боясь выронить ключ, офицер шарил руками под водой. Пузыри стремительно вырывались из щелей будки. Наконец ключ провернулся. Но открыть дверцу капитан не смог – ее прижимала вода. А будка тем временем уже почти целиком скрылась в реке. Машину разворачивало течением, несло прочь от моста. Конвоиры, наплевав на приказ, уже гребли к своему капитану.

– Вот же, б... – воскликнул один из братьев, увидев, как рядом с офицером забурилась вода.

Капитан взмахнул руками, полетели брызги, завязалась борьба.

Один из братьев поддерживал на воде потерявшего сознание капитана. С рассеченного лба текла кровь. Второй брат осматривался.

– Где же он? Где?

Но вокруг была только серебристая гладь реки в оспинах-водоворотках...

...«Волга» стояла на заливном лугу. Дугин нервно прохаживался возле машины, поглядывая на часы. Когда в прибрежных кустах послышался плеск воды и треск веток, Павел Игнатьевич коротко посветил туда фонариком.

– Наконец-то, я уж волноваться начал. Как ты? – спросил он.

Ларин уже стоял на берегу, стягивая с себя мокрую одежду.

– Процедура не из приятных. В самом деле, надо что-то в инструкциях по оборудованию автозакон придумать. Дверь-то только снаружи открывается. Сегодня мы инсценировали падение машины в воду, а ведь такое может случиться и в реальности.

Дугин бросил Андрею сухую одежду.

– Это не наша забота. Искать тебя будут недолго. Завтра утром на берегу обнаружат несколько частей тела, изрубленного на куски корабельными винтами. Барж по реке ходит много, так что все будет выглядеть вполне естественно. В итоге тебя, то есть Сивакова, признают погибшим, так что поиски прекратятся сами собой. А ты, живой и невредимый, всплывешь в Южном федеральном округе, – подытожил Дугин. – Деньги, документы и все остальное получишь на месте. Канал связи – как обычно. Со связью вообще будь очень осторожен – многие проваливаются из-за невнимательности. В городе будет наш человек.

– Помню, вы уже говорили, что отыскать его можно будет в массажном салоне, и я его знаю.

– Все верно. Экстренная связь через этого человека. Сценарий внедрения вроде бы безукоризненный, просчитано абсолютно все. И будь осторожен: ведь ты теперь – уголовный авторитет, находящийся на полуправильном положении. А, значит, твои враги – и те честные менты, на которых ты можешь невзначай нарваться.

– Неужели у нас в России еще остались честные менты? – недоверчиво уточнил Ларин.

– Очень хочется в это верить... Ну, все, успехов тебе. – Дугин с чувством пожал руку Андрею.

– Спасибо, Павел Игнатьевич, – проговорил Ларин и растворился в темноте.

* * *

Семейные праздники серьезных уголовных авторитетов обычно проходят вовсе не так задушно, как многие представляют себе по телесериалам о бандитах. Праздничные салюты, шумные застолья, дождь из стодолларовых купюр и приглашение московских эстрадных певчих или блатных бардов безвозвратно канули в прошлое. И действительно: зачем привлекать к себе лишнее внимание? К чему приглашать толпы народа, которые вполне могут растрезвонить об увиденном в социальных сетях Интернета да еще повесить там компрометирующее видео? Да и ненужные траты уважаемому человеку сегодня вовсе не к лицу... Сейчас в моде серьезность, обстоятельность и солидность.

Юрий Жадобин, криминальный авторитет федерального масштаба, давно уже относил себя не к уголовникам, а к серьезным, обстоятельным и солидным бизнесменам, несмотря на две судимости по «бандитским» статьям и устойчивую репутацию «крестного отца» всего края. А потому собственный день рождения отмечал спокойно и тихо, без излишней помпы...

В просторном столовом зале загородного дома Жадобина, возведенного в родной столице, струился ровный приглушенный свет. Дубовые балки, стальной проблеск старинных доспехов, высокая резная мебель, сумрачно-красные вспышки камина – все это создавало иллюзию средневековой рыцарской трапезной. Именинник – в безукоризненном костюме, с пробором в струнку, сидел во главе стола, вполне доброжелательно глядя на гостей, которых собралось чуть более двух десятков. Люди, приглашенные на день рождения хозяина, были тщательно отфильтрованы на предмет нужности и полезности – случайных людей тут быть не могло. Первый заместитель губернатора края и его жена, второй заместитель со «стационарной» любовницей, мэр города с очередным любовником – молоденьким вертлявым мальчиком модельной внешности, несколько деловых партнеров по бизнесу без женщин... В отличие от многих предыдущих застолий, тут не было ни одного типа с прочифиренными зубами и лагерными татуировками: хотя у криминального авторитета и было немало таких знакомых, он никогда не посадил бы их за один стол с хозяевами края.

Правда, Жадобин немного расстроился из-за отсутствия генерала милиции Кулешова, однако в глубине души прекрасно его понимал: свехосторожный Анатолий Нилович явно не хотел светить на публике дружбу с «крестным отцом»... Но вместо себя Кулешов разрешил появиться на дне рождения своему доверенному лицу – майору Кожевникову.

– Ну, что, друзья, – улыбнулся Жадобин. – Спасибо всем, что пришли. Спасибо, что не забываете меня. Спасибо, как говорится, за все. Так что первый тост позвольте выпить за вас!

Мгновенно возникли два официанта с кухонными тележками, заставленными сотейниками, супницами и блюдами с самыми невероятными деликатесами. Витой аромат жареного, пареного и тушеного приятно защекотал ноздри, провоцируя у присутствующих повышенное слюноотделение. Метрдотель, нанятый в самом дорогом сочинском ресторане специально для праздника, торжественно нес в растопыренных пальцах дюжину бутылок, ненавязчиво развернутых этикетками к столам.

– Что господа будут пить? – любезно осведомился он, демонстрируя спиртное. – Рекомендую «Сан-Сир», сабли две тысячи восьмого года, монтрашо две тысячи пятого, виноград с южных отрогов руанских холмов... К северюге отлично подойдет вино сотерн. Гусиная печень «фуа-гра» прекрасно сочетается с молодым божоле от Жоржа де Бёфа...

Владимир Кожевников, одетый в мешковатый серый костюм, сидел справа от Жадобина. Тут, среди публики в смокингах и фраках, майор милиции ощущал себя несколько неуютно.

– Прошу, Володя. – Жадобин любезно положил в тарелку Кожевникова кусок парной северюги, кивком указал на соус и кивнул метрдотелю – в руках у того мгновенно появилась запотевшая бутылка водки. – Очень рад тебя тут видеть. Очень дорожу дружбой с тобой. Нет, серьезно...

– Твое здоровье, Жадоба... То есть Юра, – поспешно поправился Кожевников, благодарно кивнул, и по этому кивку хозяин дома безошибочно определил, что собеседник уже принял на грудь как минимум триста граммов. – Я тоже очень рад.

В зале стоял негромкий гул: гости выпивали, закусывали, переговаривались. Атмосфера была непринужденной и даже умеренно дружеской – как того и хотел именинник. И хотя многие гости, как наверняка знал Жадобин, не переваривали друг друга на дух, в присутствии хозяина они никак не демонстрировали своих антипатий. Даже заклятые враги и то выглядели доброжелательными, вежливыми и предупредительными друг к другу.

Правда, Кожевников после трех рюмок почему-то стал насупленным и серьезным. Даже теперь, за праздничным столом, его почему-то тянуло говорить о делах...

– Давай, Юра, за наш с тобой совместный бизнес выпьем, – предложил он, повернувшись к хозяину.

– С удовольствием! – вежливо поддержал Жадобин – в пальцах со сведенными зоновскими татуировками блеснул хрусталь, и метрдотель мгновенно наполнил бокал вином. – Я вполне всем доволен. Кстати, по грузоперевозкам там ничего интересного не намечается?

– Работаем, как обычно. – Кожевников поднял рюмку и немедленно выпил. – Механизм отлажен, как в швейцарских часах. Два экипажа на федеральной трассе, один на терминале в аэропорту, один на железнодорожных складах.

– Не гаевые, надеюсь?

– Да ты чего! Мент гаишнику не брат, – ответил майор старой милицейской поговоркой. – Экипажи – наши люди, проверенные, сами с работы честный процент имеют... Фуры – только транзитные, свои не трогаем. Главное, что ты нас никогда еще не обманул и не обманешь.

– Ваш процент вы получаете честно, до последней копейки, – подтвердил хозяин. – Можешь сам посчитать, у тебя таких возможностей по службе предостаточно.

– Слушай, я же тебе подарок на именины принес, а до сих пор не отдал, как-то неудобно при всех! – Кожевников выставил на колени кейс, мельком осмотрелся по сторонам и отщелкнул замочки. – Ты попросил наши архивы почистить, все, что с тобой связано. Держи – это все, что у нас на тебя есть. То есть было... Остальное, как ты понимаешь, в Москве. А там у нас серьезных концов уже не осталось.

Майор протянул Жадобину объемную канцелярскую папку с веревочными тесемками и надписью «Уголовное дело». Именинник положил папку на колени, раскрыл, просмотрел несколько страниц... На лице его появилось выражение, какое обычно бывает у зрелых людей, рассматривающих свои давно забытые школьные дневники с двойками.

– Ты смотри, – прочувственно хмыкнул именинник. – Я уже и сам обо всем этом позабыл... Так-так-так... Девяносто третий год, устойчивая оргпреступная группировка. Сиваков Юрий Леонтьевич, он же Сивый... Хороший был человек, жестокий, правда. Но многому меня по жизни научил. Можно сказать, даже сформировал меня как личность. Сколько же лет с ним не виделся? Наверное, встретились бы на улице – не узнали бы друг друга.

– Не встретитесь, – убежденно ответил Кожевников. – По крайней мере, в ближайшие лет двадцать. Он вроде где-то в Центральном округе сидит – то ли на «особняке», то ли на «крытке». Могу узнать, если надо...

– Да не надо. Не встретимся с ним – и ладно. – Жадобин извлек из серебряного футлярика сигару «Партагас эминенте», аккуратно обрезал ее ножом, благодарно кивнул метрдотелю, щелкнувшему зажигалкой. – У каждого своя судьба.

– Это уж точно.

– Ладно, по грузоперевозкам все понятно, работаем дальше. А вообще, Володя, на правах именинника, очень тебя прошу: давай больше сегодня не вспоминать о делах. Для дел у нас офис и рабочее время. Договорились?

* * *

Поздним утром в кафе «Весна» как всегда было пусто – только бармен скучал за прилавком. Первая волна посетителей схлынула очень быстро. Всех их «жрец стойки» знал в лицо – всякий «офисный планктон», мнящий себя крутыми менеджерами. Эти молодые мужчины в костюмах и при галстуках, девицы, соблюдающие корпоративный дресс-код, – все считали своим долгом для поддержания имиджа завтракать не дома, а в кафе. Чашка чая или кофе, сэндвич – вот и все, что они заказывали. Изредка кто-нибудь позволял себе втихаря выпить бутылочку пивка, чтобы освежить голову после вчерашнего. А потом все, обменявшись новостями, разбегались по своим офисам. Следующий наплыв посетителей ожидался лишь к обеду.

Вот бармен старательно и выводил мелом на черной рекламной доске меню бизнес-ланча. Он уже дописывал последнюю фразу: «...и абсолютно бесплатно пончик из печеного банана», когда мелодично блямкнул колокольчик на входной двери, и в кафе появилась удивительная для здешних мест чрезвычайно пестрая компания из четырех человек. Бармен даже мел отложил и уставился на них. Больше всего его внимание привлекала старуха в национальной эвенкийской одежде и в меховых унтах, явно не по погоде. В одной руке она держала шаманский бубен, а в другой – череп северного оленя с ветвистыми рогами. Следом за колоритной старухой шел мужчина средних лет и нес в руке профессиональную телекамеру. Ассистент оператора тащил треногу. Завершала шествие стройная брюнетка в облегающем свитере и джинсах, густо покрашенная, отчего напоминала ожившую куклу Барби. Ее синие-черные волосы были подстрижены аккуратным каре – челка буквально нависала над узкими очками со стеклами-хамелеон.

Брюнетка, процокав каблучками, с видом хозяйки подошла к стойке и взгромоздилась на табурет. Ее колоритные спутники, не спрашивая разрешения, сложили аппаратуру и реквизит на один из столиков.

– Что будете заказывать? – растерянно поинтересовался бармен.

– Четыре кофе и четыре эклера, – произнесла брюнетка. – Но с этим можно не спешить. Мы на съемках. – И она ткнула пальцем в бейджик с фотографией, висевшей на ее груди.

– О! Столичное телевидение. Из Москвы, что ли, приехали? – с уважением спросил бармен, заряжая кофейный аппарат.

– Шоу «Сражение экстрасенсов». Проводим кастинг в вашем городе.

– Так она это, типа ясновидящая?

– Эвенкийская шаманка в пятом поколении, – веско произнесла брюнетка. – Подбираем объект для конкурса. Ясновидящая должна расследовать убийство.

Бармен оживился:

– Это, что ли, недавний случай, когда молодую женщину изнасиловали, и она в окно выпрыгнула? Так убийцу вроде нашли. Чего тут расследовать?

– Ни о какой женщине не знаю. Мы убийство бармена расследовать будем.

«Жрец стойки» вздрогнул и часто заморгал.

– Как это бармена?

Брюнетка усмехнулась:

– За свою жизнь вы не переживайте. Нам в УГРО подборку по старым преступлениям сделали. В семьдесят пятом году в вашем кафе самые первые хиппи российского юга собирались. В феврале месяце хулиганы с ними тут драку затеяли, поножовщина случилась. Бармен за кассу испугался, выручку прихватил и через черный ход на улицу выскочил. Его потом на пустыре зарезанным нашли. И выручка исчезла. А убийцу так и не отыскивали.

Бармен пожал плечами.

– Не знаю, я такого не слышал.

– Неудивительно, – произнесла брюнетка. – Вы небось сами в году этак восьмидесятом родились. А про то дело в советских газетах, как вы понимаете, не писали.

– В восемьдесят первом, – уточнил «жрец стойки», выставя четыре чашки свежесваренного кофе.

Брюнетка положила купюру и продемонстрировала разрешение на съемки, подписанное владельцем сети кафе.

Съемочная группа перекусила и тут же приступила к работе. Потомственная шаманка зазывала, била в бубен, обходя помещение кафе. Закатывала глаза к потолку так, что оставались видны только белки.

– Вижу, вижу... – причитала она, – острое, все девушки, девушки... нет, почему я бороду вижу?... да это молодые люди с длинными волосами... одежда порвана, кровь...

Со стороны улицы возле витрины кафе собирались любопытные, наблюдая за священнодействием. Оператор с камерой крутился возле ясновидящей.

– Бумажки хрустят... звон, звон слышу... это монеты, деньги... вон туда... – И шаманка двинулась по служебному коридору. – Свет, свет вижу...

Съемочная группа втянулась за ней в узкий коридор, вспыхнула лампа подсветки на камере. Брюнетка с барменом шли следом. Молодая женщина тщательно осматривалась.

– Темновато у вас здесь. Если объект для шоу подойдет, придется освещение добавлять.

– Первый раз вижу так близко, как телевизионщики работают, – отозвался бармен.

– А вы согласитесь участвовать в шоу? Сыграете своего предшественника в реконструкции событий.

– А можно?

– Конечно. Если главному продюсеру сюжет покажется интересным. Мы же пока предварительное обследование объекта проводим и кастинг. А там все генпродюсер решает. Ключ от служебного выхода дайте, пожалуйста, – распорядилась брюнетка, когда шаманка остановилась возле закрытой двери, ведущей во двор.

Пока бармен искал ключ, брюнетка открывала двери подсобок, заглядывала туда, светила фонариком во все потайные уголки, водила портативным металлоискателем.

– Черт, и здесь нету, – шептала она.

Съемочная группа оказалась на пустыре, туда же перекочевали и любопытные, слышалось перешептывание:

– Шоу снимают.

– Потом на столичном телевидении покажут.

– Пусти, я так встану, чтобы в кадр попасть...

Неподалеку от пустыря остановилась милицмейская машина. Майор Кожевников, приспустив стекло, подозрительно рассматривал телевизионщиков.

– Какого хера эти клоуны тут объявились? И чукчу еще какую-то притащили... Прапор, сходи в разведку. Это ж твой участок.

Одурловатый прапорщик выбрался из-за руля. Нахмутив брови, направился к телевизионщикам. Подойдя к брюнетке, отдал честь. Кожевников издадека напряженно следил за их разговором, нетерпеливо крутя в руках милицмейскую фуражку. Наконец, одурловатый прапор вновь забрался в машину.

– Ложная тревога, товарищ майор, – доложил он с широкой улыбкой дебила. – «Сражение экстрасенсов» снимают. Кастинг. Ясновидящая параллельное расследование проводит.

– Понятно. Ты чего лыбишься? А если они из-за той самой бабы приехали? И их чукча с бубном в своей голове увидит, к примеру, как ты ее трахаешь, а?

– Не-а, товарищ майор. Та баба прокурорская – админ тут ни при чем. Они по другому делу. Тут в семьдесят пятом на пустыре бармена грохнули и выручку забрали. А грабителя не нашли. Вот шаманку и привезли. Мне еще предложили потом в шоу сняться. Ну, в реконструкции событий. Та бабенция, она у них администратор, сказала, что форму советскую выдают. Мол, я киногоеничный, и лицо у меня характерное, типичный милиционер. Так что можно ехать. Я ж говорю, ложная тревога.

– Семьдесят пятый... – задумался Кожевников. – Хрен с ними. Я тогда еще в школу ходил.

– Так можно ехать, товарищ майор?

– Погоди. Пробить надо. Если они со «Сражения экстрасенсов», то должны были с нашим краевым телеканалом связаться насчет организации съемок. – Кожевников поднял трубку рации. – Дежурный?.. Майор Кожевников на связи... Номерок телецентра нашего надиктуй... Ну, да, приемную председателя, дальше я сам...

Ясновидящая эвенкийка тем временем уже приблизилась к недостроенной девятиэтажке, остановилась. Бубен смолк.

– Здесь, здесь это было. Кровь вижу, – уверенно произнесла она.

Шаманка пропустила в кольцо, закрепленное на макушке черепа северного оленя, шнур и подняла его перед собой двумя руками. Череп медленно стал вращаться – то в одну, то в другую сторону. Любопытные затаили дыхание. Эвенкийка принялась шептать что-то на своем языке: тревожно и абсолютно непонятно. Череп еще вращался влево-вправо, но амплитуда становилась все меньше. Наконец, он замер, указав рогами на вход в недостроенный дом.

– Теперь вижу... Туман, туман... и парень в кепке с ножом над мужчиной склонился... Деньги шелестят, звенят... Лица не вижу. – Шаманка опустила череп, вытащила из-за пояса длинную самодельную трубку, закурила. – Не пускает меня дальше тот, кто здесь ходит, дух его не упокоен, – уже довольно буднично произнесла она. – Дым его отгонит, две трубки с таежным мхом выкурить надо.

Публика была несколько разочарована – глядя по сторонам, пытаясь рассмотреть блуждающий на пустыре неупокоенный дух убитого в семьдесят пятом бармена.

Оператор опустил камеру и обратился к брюнетке-администратору:

– Дым из трубки я уже снял. Три плана на выбор. Сколько ждать еще придется?

Ясновидящая подошла к брюнетке.

– Курить медленно надо, чтобы дым духа отогнал далеко-далеко.

– Перерыв, короче, – хлопнула в ладоши администратор. – Призрак мы по-любому не снимем.

Эвенкийка затянулась, выпустила клуб дыма, склонилась к уху брюнетки:

– То, что ищешь, – там, куда рога оленя показали.

– В недостроенном доме? Точно? – шепотом же спросила брюнетка.

– Там, милая, там. – Шаманка кивнула. – Тридцать шагов пройди. Вижу я, что под землей лежит твоя коробочка, во что-то черное завернута.

– Под землей, вы уверены?

– Под землей, но свет на нее падает. Косой такой лучик – сверху светит. Больше ничего сказать не могу.

Промолвив это, шаманка уселась на корточки и, пыхнув дымом, закрыла глаза.

– Стас, – обратилась брюнетка к оператору, – давай из дома пару верхних планов снимем, пока наша конкурсантка свою трубку курит. Для «перебивок» пригодится.

Оператор и брюнетка направились к дому. Никто не обращал на них внимания – все ждали, когда наконец заговорит шаманка.

– Стас, иди, делай свою работу, а я тут останусь, – распорядилась брюнетка, когда они оказались на нижнем этаже недостроенного дома – она про себя отсчитала, что сделала уже двадцать пять шагов.

Оператор двинулся по лестнице. Поднявшись на последний этаж, он высунулся из окна и стал вести съемку. План и в самом деле получался эффектным: небольшая толпа, собравшаяся в ожидании чего-то возле эвенкийки. Он не знал, кто такая брюнетка, просто в последний момент перед отправкой на кастинг генеральный продюсер канала навязал ее съемочной группе, как и ясновидящую. Но какая разница профессионалу, что и кого снимать? Ведь главное, чтобы деньги платили.

Брюнетка тем временем уже давно отсчитала оставшиеся пять шагов и теперь тщательно осматривалась. Конечно, шаг – величина непостоянная, у каждого он свой, так что метров на пять можно было и ошибиться. Все-таки экстрасенсорика и ясновидение – дело темное. Брюнетка присела на корточки, подняла темные очки на лоб.

– Так, под землей, – осматривалась она. – Но не копать же здесь каждый квадратный метр. Не могла Полина Гольцева тратить время на то, чтобы ямы рыть. Жесткий диск в сырую

землю может только идиотка закопать. Да и было у нее всего пара минут. Она же специально от погони оторвалась, сюда бросилась. Думай, думай, думай...

Взгляд брюнетки упал на рулон черной строительной бумаги, пропитанной битумом. Было видно, что с краю у него впопыхах оторван кусок.

– В черное завернут, в черное – ведь так сказала ясновидящая, и я на правильном пути. Это Полина оторвала бумагу, чтобы хард в нее завернуть и тем самым спасти от сырости. Но еще она говорила про косой лучик света, который сверху пробивается... Дневной свет. – Брюнетка хлопнула себя ладонью по лбу. – Какая же я дура!

Она бросилась к лифтовой шахте. Перед женщиной была бетонированная яма, на дне которой виднелся строительный хлам: поломанные доски опалубки, обрывки мешков из-под цемента, расколотые кирпичи. В самом углу виднелась скомканная черная строительная бумага – та самая, оторванная от рулона. Женщина легла на землю, протянула руку, длинным ногтем сумела подкатить тяжеловатый сверток поближе, ухватила его двумя пальцами и, затаив дыхание, подняла из ямы. Тут же и развернула.

– Так и есть! – В ее руках оказалась коробочка хард-диска. – Спасибо тебе, Полина, – прошептала молодая женщина.

Скомканная строительная бумага упала на дно ямы, а диск исчез в кармане джинсов.

Вскоре оператор и брюнетка вышли из недостроенного дома. Ясновидящая докуривала вторую трубку. Любопытным не пришлось разочароваться. Под прицелом объектива телекамеры эвенкийская шаманка сообщила всем, что неуспокоенный дух отправился далеко-далеко, и теперь она четко видит лицо убийцы.

Брюнетка пообещала, что опытный художник-криминалист по описанию экстрасенса позже сделает портрет того, кто забрал жизнь у бармена в семьдесят пятом году. А пока все, съемки окончены, все свободны, подробности смотрите на телеэкранах.

Съемочная группа загрузилась в автобус.

– За ними, прапор! – приказал майор Кожевников.

Одутловатый прапорщик плавно тронул машину с места, но все же возразил:

– Они ж по старому делу работают. Когда то было? Еще при Советском Союзе. Нам это зачем?

– Береженого бог бережет, прапор. Не забывай, что на нас «мокруха» с прокурорской админшей повисла.

Брюнетка, сидя рядом с водителем микроавтобуса, поглядывала в зеркальце заднего вида на маячившую за ними милицейскую машину.

– Сразу в гостиницу поезжайте, – спокойно сказала она водителю, ничем не выдавая своего волнения.

Через пять кварталов микроавтобус свернул с улицы и замер возле парадного входа в гостиницу. Съемочная группа принялась выгружать аппаратуру.

Брюнетка, цокая каблучками, прошла в холл. Только тогда Кожевников, наблюдавший за ней, позволил себе улыбнуться.

– Все совпадает, прапор. Номера у них были заранее заказаны. Я пробивал. Поехали.

Милицейская машина, даже не заехав на стоянку, двинулась дальше и исчезла за углом.

Брюнетка проследила этот маневр в зеркальце пудреницы, стоя в холле гостиницы спиной к огромному, во всю стену, окну. После чего, так и не поправив макияж, защелкнула пудреницу и исчезла за дверью туалета.

В кабинке она сорвала с себя парик, тут же преобразившись в блондинку. Стянула свитер, а потом влажными салфетками стерла вульгарный макияж. Весь свой реквизит она затолкала в сумочку. Теперь даже ясновидящая вряд ли бы узнала в ней навязанного съемочной группе с подачи генпродюсера администратора.

Лишь только каблучки цокали так же звонко, как раньше, когда преобразившаяся из брюнетки в блондинку молодая женщина входила в стеклянные двери недавно открывшегося в центре города массажного салона «У лисицы». Поприветствовав девушку за стойкой, изменившаяся до неузнаваемости брюнетка открыла своим ключом один из кабинетов. Даже не стала подходить к высокому массажному столу, не притронулась к кремам, стоявшим на полочках, а скрылась за передвижной ширмой, надежно отгораживавшей часть помещения от посторонних глаз.

Маникюрной пилочкой она открутила болтики и сняла боковину компьютера. Подключила найденный с такими трудностями жесткий диск Полины к разъему. Зашелкав клавишей мышки, стала один за другим раскрывать файлы. Мелькавшие на мониторе копии документов краевой прокуратуры отражались в ее глазах.

Глава 4

Зеленое поле перечеркивалось прямым, как стрела, федеральным шоссе. Рыжее солнце плескалось в блестящих лужах на обочине. Его лучи отражались в жестяном дорожном указателе, обозначавшем границу краевой столицы. Милиционер с автоматом, облокотившись о молочного цвета «Опель», лениво смотрел, как по пленке жидкой грязи, покрывающей шоссе, неторопливо катят машины.

Показался огромный вольвовский фургон с транзитным номером. Милиционер поправил автомат, кивнул напарнику. Тот выскочил с полосатым жезлом и призывно вскинул руку. Фургон послушно вильнул к обочине, остановился. Из кабины вылез водила – типичный пролетарий в кепке, с прилипшей к губе плоской дешевой сигаретой.

Милиционер лениво подошел к шоферу и вскинул руку к козырьку.

– Водительское удостоверение и техпаспорт... что везем... откуда... накладные на груз... путевой лист...

Документы оказались в полном порядке, однако мент зачем-то захотел осмотреть груз.

– Да мне через два часа в Анапе надо быть, опаздываю, – принялся объяснять водитель. – Там ведь таможенная площадка, уже и деньги этим извергам заплачены, ждут!

– Покажите груз! – Милиционер был непреклонен.

Шофер с трудом подавил в себе желание выматериться. Дверь фургона с лязгом разъехалась на петлях: он был забит желтыми картонными коробками. От них потянуло чем-то копченым и очень аппетитным...

– Что это? – уточнил милиционер. – Надеюсь, не гексоген?

– Да что вы! Осетрина копченая, полторы тонны. Командир, да в порядке у меня все: и накладные, и путевой лист... И огнетушитель в машине имеется, и лекарства в аптечке не просрочены, и техосмотр пройден. Показать?

– Ты с напарником или один? – невесть для чего уточнил мент.

– Да один от самой Махачкалы эту телегу гоню! – устало вздохнул водила. – Если напарника брать – я же за рейс вполтину получу! А чем мне тогда семью кормить?

– А осетрина у тебя хоть вкусная? – прищурился сотрудник правоохранительных органов, осматривая коробки.

До водителя, наконец, дошло.

– Возьми, командир! – Шофер щедрым жестом извлек из коробки остромордого осетра – золотистого, налитого ароматным жиром. – Это не взятка, ты же не подумай! Чисто из уважения.

– Спасибо, – заметно повеселел мент. – Из уважения тоже дам тебе ценное указание. Тут через пять километров ремонт моста. Весь транспорт в обход пустили, а там наш начальник «кирпич» повесил и всех транзитников шерстит. Еще тот козел – меньше, чем за полтора килограмма рыбы, он с тебя не слезет... Это не считая наличных. Так что совет тебе такой: через километр съезжай на проселок, там станица Хмызовская, указатель увидишь сам... Через нее проедешь, потом повернешь налево – и вновь на трассу выскочишь. Потеряешь какие-то полчаса, зато груз в целостности и сохранности в свою Анапу доставишь. А главное, наш козел-начальник ни хрена не получит. Все усвоил?

– Спасибо, командир!

– Все, свободен...

Газанув серым выхлопом, вольвовский фургон тяжело покати по трассе. А гаишник, подмигнув напарнику-автоматчику, потянулся к рации:

– Фургон из Махачкалы, синего цвета, дагестанский номер. Копченая осетрина, полторы тонны по документам. Один, без напарника. Да, типичный лох. Отправил в объезд через Хмызовскую, будет там минут через двадцать-тридцать....

* * *

Мирно синело небо, мелкие облачка тянулись по нему, как стадо кучерявых овец. Легкий ветер шелестел листвой старого яблоневого сада. На стволах местами еще виднелись следы от побелки, хотя сами яблони уже давно одичали – плоды были мелкие, покрытые черными крапинками. Сад вплотную примыкал к разъезженному поселку.

По другую сторону дороги тянулась кирпичная стена заброшенного коровника. Шифер давно растащили местные жители, и на фоне неба, словно ребра скелета гигантского доисторического чудовища, возвышались выбеленные солнцем и дождями стропила. За торцевой стеной коровника тарахтел древний «КрАЗ». Неподалеку от него в высокой траве под яблонями расположились двое мужчин: кавказец и русский. Кавказец, лет сорока, черноволосый, загорелый, с мужественным волевым лицом, неторопливо протирал полую рубашки сорванное с ветки яблоко. Черные точки на нем никак не хотели исчезать.

– Колян, почему у вас в России даже яблоки какие-то неправильные растут? – Наконец кавказец, повертев яблоко, откусил от него, пожевал и тут же сплюнул в траву.

– Что, Хасан, неспелое? – Славянин был чуть моложе своего собеседника, жесткие соломенные волосы выбивались из-под опущенной по самые брови бейсболки. – И что ты вообще заладил – у вас в России... А ты сам где живешь? Паспорт у тебя какой?

– Российский, – пожал плечами кавказец.

– Значит, ты тоже россиянин, как и мы все.

– Нет, чечен я, – ухмыльнулся Хасан, – только паспорт у меня российский.

– Ну, так и сидел бы в своей Чечне. Ты же лицо кавказской национальности, – незлобно заметил Колян, правда, при этом немного напрягся, ожидая, что вспыльчивый Хасан может возмутиться.

Но тот так же беззлобно заметил:

– А ты тогда – морда русской национальности.

– Э, нет, – покачал пальцем Колян. – Если говорить языком ментовского протокола, то я лицо славянской внешности.

– Дурак ты, Колян, пусть и славянской внешности. Я бы и сидел у себя в Чечне, если бы там работа была. Вот у тебя кто в этой жизни есть? Мать-старушка, да и ту раз в год видишь. Ни женой, ни детьми не обзавелся. А у меня жена и двое детей. Кормить-то их надо. Дом сыну строить надо, скоро и он семьей обзаведется...

Дверца «КрАЗа» открылась, из кабины высунулся бритый наголо мужичок с бегающими глазками.

– Едет, – крикнул он.

Хасан с Коляном неторопливо поднялись с травы. Кавказец выбросил недогрызенное яблоко – оно прокатилось по песку и остановилось в колее. Хасан снял висевший на яблоне автомат и привычно передернул затвор. Колян вытащил из кармана пистолет и вбил в рукоять обойму.

– Пошли, – буднично произнес кавказец, словно они собирались на прогулку.

Вольвовский фургон с транзитными номерами неторопливо катил с горки; чувствовалось, что водила свою машину жалеет, не гонит по разбитому проселку. Да и груз в фургоне был деликатный, дорогой – помнешь, вид потеряет.

«Вольво» уже скатился с горочки и двинулся вдоль яблоневого сада. И тут, натужно урча двигателем, выбрасывая из выхлопной трубы клочья черного солярного дыма, наперерез ему

двинулся ржавый «КраЗ». Водитель фургона сбавил скорость, думая, что грузовик, собранный еще во времена СССР, просто разворачивается, а поскольку не вписался в один прием, то прокатится сейчас под самым садом и выедет на дорогу. Но этого, конечно же, не произошло. «КраЗ» перекрыл путь и остановился. Пришлось вдавить тормоз и водителю «Вольво». Он высунулся из окошка и без особой злости выкрикнул:

– Чего встал? Давай или назад, или вперед. Движок-то у тебя работает. Освобождай «лыжню».

Мужичок, сидевший за рулем «КраЗа», выбрался на дорогу, развел руками и, вспрыгнув на мощный передний бампер, поднял капот. Конечно же, водитель «Вольво» смотрел на мужичка, копошившегося во внутренностях грузовика. Ведь от того, как быстро тот управится, зависело, вовремя ли приедет в пункт назначения водитель «Вольво». А ведь он и так выбился из графика, объезжая перекрытый мост через поселок по подсказке «душевного» и словоохотливого мента. Вот потому водитель-дальнобойщик и не сразу заметил приближавшегося к нему мужчину в бейсболке, а тем более Хасана, притаившегося с автоматом за стволом старой яблони.

Колян шел неторопливо, широко улыбался, правую руку держал в кармане. Подобными сегодняшнему делам занимался он по указке Жадобина не первый год. Раньше бросался к машине, скроив страшное лицо, скалился, кричал. А потом понял: зачем раньше времени тревожить жертву? Лучше застать человека врасплох, когда он не ожидает ничего плохого.

– Эй, мужик, – Колян постучал в дверцу «Вольво», – дело у меня к тебе...

Что за дело у незнакомца, водила так и не узнал, поскольку открыл дверцу раньше, чем тот окончил фразу. Открыл и сразу же позабыл обо всем на свете – только видел перед собой черный зрачок пистолетного ствола, направленного прямо в него. Колян левой рукой схватил водилу за плечо и резко потянул на себя. Тот не удержался, вернее, даже не пытался удержаться на сиденье – словно манекен, упал на песок и замер, парализованный страхом.

– Что везешь?! Документы где? – крикнул ему почти в самое ухо Колян.

Он действовал нагло, напористо. Ведь от добряка-мента уже знал: водитель едет один, без напарника. А дорога здесь пустынная; хорошо, если десяток машин за день проедет. Тут только совхозный транспорт и катается, да и то в случае, если водитель либо механизатор выпил или украл что. Зачем трястись по пыли, когда рядом трасса с хорошим асфальтом?

Водитель совсем оторопел от страха – смотрел на Коляна широко открытыми глазами, и только губы его тряслись, выдавая что-то среднее между «бе-бе» и «ме-ме». Налетчик Колян был уверен, что дело уже сделано. Теперь оставалось только хорошенько потряхнуть водилу, привести его в чувство и доходчиво объяснить, что груз, который он везет из пункта «А» до пункта «Б», ну никак не доедет.

И тут до слуха Коляна донеслось очень четко промолвленное, но абсолютно неуместное в теперешней обстановке:

– Ку-ку.

Это точно была не птица, а именно человек. И оклик этот исходил из кабины – со спального места позади водительского сиденья. Колян медленно разогнул спину и вскинул пистолет. Но на лежанке никого не увидел: скомканное одеяло, подушка, большой картонный ящик.

Водитель, поняв, что о нем забыли, извиваясь ужом, попытался заползти за колесо. Но тут же вынужден был замереть, остановленный взглядом, брошенным на него мужичком из-под открытого капота «КраЗа». Взгляд пристальный и недобрый. Вдобавок мужичок вместо гаечного ключа уже держал в руке старомодный «ТТ». Колян водил стволом пистолета и даже начал сомневаться – не почудилось ли ему это малопонятное «ку-ку».

– Вольну-то опусти, – вновь раздался голос с лежанки.

Но поскольку Колян замешкался, то и случилось то, что должно было случиться. Картонка отлетела в сторону, и тут же полыхнула вспышка выстрела. Пуля вошла Коляну в пред-

плечье, и он, пригнувшись, подвывая от боли и обиды, бросился в яблонево́й сад. Упал ничком в высокую траву, чуть позади Хасана.

– Чего там? – поинтересовался хладнокровный кавказец.

– Стреляй! Там, оказывается, какой-то темнила на спальном месте закоурился... – Колян сузившимися от боли глазами смотрел на растекавшееся по предплечью кровавое пятно. – Кончай его. За стеклом он, за занавесочкой. Йод у нас в машине, в аптечке, есть?

Хасан выпустил короткую очередь на три патрона – стрелял, взяв выше кабины «Вольво». Над коровником взметнулась стая ворон. В ответ из кабины отозвался автомат, и тоже короткой очередью – на три патрона. Пули разнесли кору на толстом стволе яблони, за которой укрывался Хасан.

– Слушай, метко стреляет. – В голосе кавказца почувствовалось даже некое уважение к таинственному противнику.

Колян, лежавший в траве, наконец-то сообразил, что вооружен. В обмякшей правой кисти лежал тяжелый «макаров». Он перехватил пистолет в левую и прицелился, намереваясь высадить всю обойму в кабину «Вольво» и прикончить того, кто посмел его ранить.

– Умный очень, да? – проговорил Хасан, небрежно отводя ногой руку Коляна. – Зачем такую дорогую машину портить? Груз нежный – копченая осетрина. Рефрижератор сломаешь, все завоняется. Жадоба не похвалит.

– Так он же, гад, кровь мне пустил... – Колян все же не стал стрелять.

– Никуда он с подводной лодки не денется. – Хасан хищно оскалился и скосил глаза.

Мужичка, копавшегося до этого под капотом «КраЗа», словно ветром сдуло. Он, пригнувшись, прижимая пистолет к груди, уже крался вдоль фургона, чтобы незаметно подобраться к кабине. Водитель «Вольво» заполз-таки под машину и теперь прятался, укрывшись за передним колесом.

Кавказец прищурился и понял, что сейчас должно произойти. Ведь тот, кто находился на лежанке за занавесочкой, видел приближающегося к кабине бандита в большом зеркале заднего вида, укрепленном возле дверцы.

– Ну, что ж, мы тебя тут и подкараулим. – Кавказец приподнял ствол автомата и нацелил его в зияющий дверной проем.

Убивать он никого не собирался – это лишнее. А вот ранить – это пожалуйста. Ведь следовало отомстить за Коляна. Но Хасан просчитался. Таинственный противник так и не возник в дверце. Вместо этого распахнулся люк на крыше кабины, буквально на секунду над ним появился силуэт с автоматом в руках. Гроыхнула очередь. Пули подняли фонтанчики песка перед мужичком с «ТТ», как бы говоря: «Все, дальше не суйся – дальше смерть». Любитель антикварного бандитского оружия сразу все понял и метнулся в сад. Он спрятался за густо разросшейся яблоней и зашипел:

– Хасан, мочи его!

Кавказец вновь дал очередь чуть повыше кабины. Ответ не замедлил себя ждать. Из распахнутой дверки гроыхнул автомат. На головы налетчикам посыпались рваные листья и незрелые яблоки.

– Сука! – внезапно выкрикнул мужичок с «ТТ» и выстрелил в боковое окно кабины.

Брызгами разлетелось стекло, качнулась, но удержалась простреленная занавеска.

– Дятел, не пори быка, – только и нашелся что сказать кавказец. – Машину зачем портишь?

И только успел Хасан произнести эту фразу, как из «Вольво» дважды выстрелили. Первой пулей разнесло лобовое стекло «КраЗа». Вторая выбила тонкую стальную подпорку, и капот с грохотом опустился.

– Да не стреляй ты, – зло зашипел Хасан на мужичка. – Не видишь, что ли, он, если не захочет тебе шкуру портить, то по пуле в каждый глаз всадит.

– Надо срочно что-то замутить... – засуетился раненый Колян, – гранату, что ли, в кабину бросить? А то я тут весь кровью изойду.

– Царапнуло тебя, только и всего. Не видел ты, как людям минами руки-ноги отрывает... Кость целая, раз рукой шевелить можешь. Вот и не ной.

Хасан, закусив губу, думал, что бы предпринять. Не торчать же тут до вечера. Но и подставлять голову под пули ему не хотелось, как и звонить Жадобину, просить подкрепления. Жадоба еще на смех подымет: «Втроем и не справились».

Конечно, можно было перевести стрелки на ментов Кулешова, которые недосмотрели, что на спальном месте прячется какой-то хмырь с автоматом. Но менты ментами, что с них возьмешь? Нужно и свою голову на плечах иметь.

И тут случилось то, чего не ожидал ни один из нападавших. Из двери грузовика высунулась палка, на ней покачивалось белое вафельное полотенце.

– Это он что, сдается? – обрадовался мужичок с «ТТ».

– Не похоже на него, – процедил сквозь зубы Хасан. – Качели какие-то нам подсовывает, замутил, в натуре. Вы, пацаны, поосторожнее с ним, мало ли чего он задумал.

Колян, поскуливая, зажимал раненое предплечье ладонью.

Белый флаг покачался, а затем исчез в кабине.

– Сдаешься, что ли? – крикнул Хасан. – Тогда выходи! Только без канители. Чуть что – пристрелим.

– И не сомневайся, пристрелим с первого выстрела, зуб даю, – добавил мужичок с «ТТ».

Пауза затянулась. Хасан крикнул:

– Ты кто такой?

– А ты кто? – спросили из кабины.

– Кончай базар, вылезай.

Картонная коробка упала из открытой дверцы на землю. В дверном проеме показался крепко сложенный мужчина с коротко стриженной головой и бородкой-эспаньолкой. В руках он держал автомат, но так, чтобы сразу было понятно: использовать его по назначению больше не собирается – сжимал за ствол и приклад. Крепкие хорошо натренированные мускулы перекачивались под густо татуированной кожей голого торса – мужчина словно специально демонстрировал уголовные наколки.

– Эй, пацаны! Тут явно рамс вышел, непонятка какая-то. Вы, как я понимаю, из жадобинской кодлы? Зачем стрелять друг в друга, можно перетереть и развести рамсы краями. Если я неправ – забирайте все. Если вы косорезите, то извинитесь. – С этими словами он аккуратно положил автомат на землю и выпрямился.

В его голосе и поведении не было и намека на страх – лишь достоинство уголовника и искреннее желание развести те самые рамсы краями.

Хасан вышел из-за яблони, автомат уже висел у него за спиной стволом вниз. Следом за ним вышел и Колян. Последним поднялся из травы мужичонка, посмотрел на свой «ТТ», подумал... сунул оружие за пояс и прикрыл джинсовой курткой.

– Уважуха, – произнес кавказец, впечатленный хладнокровием неизвестного, задержал взгляд на татуировке – тигр, оскалившийся сквозь колючую проволоку.

Паутина синих тюремных татуировок резко выделялась на фоне белоснежной кожи. Такой белой не может быть кожа у обычного человека, да еще летом. Ни капли загара, словно ее обладатель несколько последних лет безвылазно провел в подвале.

– Срисовал мастюху? – спокойно произнес Андрей Ларин. – Если срисовал, то, значит, все и понял. – Он надел майку.

Хасан не решился задать справедливый вопрос: мол, за наколки отвечаешь? И так все было ясно. Перед ним стоял матерый уголовник, имевший не одну ходку за плечами. И не просто уголовник, а самый что ни на есть авторитет.

Сам-то кавказец ни дня не провел в зоне, но в блатных понятках разбирался и не соби-
рался соваться в чужой монастырь со своим уставом, чуял за Лариным силу.

– Ну, так что, жадобинская кодла вы, или как? – с вызовом спросил Андрей. – Обознача-
лово ваше жду. Гильзы, кстати, соберите. Не хрен ментам лишние подсказки оставлять, стволы
светить. Моих на земле нет – все в кабине.

Повел он себя достаточно нагло – для человека, сложившего оружие. Однако все уголов-
ники, как звери, чувствуют превосходство сильного. А Ларин сумел доказать, что уважать его стоит.
Да и татуировки о многом говорили.

* * *

Возле каждого крупного города найдется место, куда никому не придет в голову приез-
жать без крайней нужды. Дачи и квартиры поблизости от него будут стоять в два раза меньше,
чем в другом равноудаленном от центра районе. И дело не в удобстве подъездных путей, не в
пейзажах и не в наличии водоемов, а в запахе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.